

18+

Александр Игин

ДУША ОВЦЫ

Мои комнаты

Александр Игин

Душа овцы. Мои комнаты

<https://litres.ru/74429528>

ISBN 9785007119184

Аннотация

В бескрайней степи, где время течёт по законам звёзд, юный пастух Айдар открывает игру, скрытую в древних лунках на скалах. Перекладывая шарики из овечьей шерсти, он постигает ритм мироздания. Его изобретение становится не просто развлечением, а языком, на котором степь говорит с вечностью, а пустая лунка в центре — символом выбора, определяющего

судьбу. Легенда о Тогыз кумалак передаётся сквозь тысячелетия, превращаясь в универсальный код, объединяющий людей, звёзды и искусственный интеллект.

Содержание

Пролог. Степь, считающая себя	5
Глава первая. Пастух, считающий звёзды	10
Глава вторая. Закон сохранения души	18
Глава третья. Колесо миров	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Душа овцы Мои комнаты

Александр Игин

© Александр Игин, 2026

ISBN 978-5-0071-1918-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Степь, считающая себя

*Прежде чем человек научился считать овец,
степь уже считала сусликов.*

*Прежде чем человек вырезал первую лунку,
небо уже вырезало звёзды.*

Игра не была изобретена.

Она была замечена.

Степь бесконечна. Это знает каждый, кто стоял на ней в полдень, когда солнце зависает в зените, и мир превращается в дрожащее стекло. Тогда исчезают горизонты, стираются расстояния, и, кажется, что ты стоишь не на земле, а внутри огромной прозрачной сферы, где прошлое и будущее сплавлены в одно текучее марево.

В этом мареве рождаются миражи. Они показывают не то, что есть, а то, что могло бы быть. Озёра, которых нет. Города, которые не построены. Людей, которые ещё не родились. Но среди всех миражей есть один, который появляется всегда — в любую эпоху, в любую жару, в любую сухость.

Это доска.

Два ряда по девять лунок, вырезанных в камне, в глине, в дереве, в вечной мерзлоте, в бетоне, в сияющих кристаллах будущих машин. Она возникает на миг и исчезает, но те, кто умеет видеть, запоминают её. И передают дальше.

Археологи называют это «луночными досками». Они находят их по всему миру — от Африки до Америки, от Индии до Скандинавии. У каждой свой узор, своё число лунок. Но есть одна, которая встречается только здесь, в Великой Степи, от Алтая до Каспия. Девять лунок. Девять родов. Девять миров Тенгри.

Они спорят о её возрасте. Четыре тысячи лет? Пять? Может быть, все десять? Углеродный анализ даёт разброс, потому что органика не сохраняется в сухом климате. Но есть другая датировка — не по дереву, а по звёздам.

Ночью, когда бездонное синее небо зажигает свои огни, можно увидеть, что созвездие, которое древние называли *Козы* (Овен), располагается ровно над теми местами, где находят древнейшие доски. Девять звёзд. Девять лунок. Сто шестьдесят два дня — время, за которое Солнце проходит от весеннего равноденствия до осеннего. Сто шестьдесят две песчинки, если сыпать их в лунку по одной каждый день.

Кто первый заметил это совпадение? Чей глаз впервые связал движение небесных тел с перекладыванием камней? Мы не знаем имени этого человека. Мы не знаем, был ли он шаманом, воином или просто пастухом, который смотрел вверх, пока его овцы щипали полынь. Но мы знаем, что он существовал. Потому что без него не было бы игры.

В степи всё подчинено числу. Суслик роет нору с девятью выходами — потому что так безопаснее. Черепаха носит на панцире девять щитков — потому что так заложено приро-

дой. Жаворонок поёт девять нот в своей песне — потому что это предел его горла, но и предел человеческого слуха. Даже верблюжья колючка растёт спиралью, закрученной на девять оборотов, прежде чем дать цветок.

Степь считает себя. Она не умеет говорить на языке людей, но она умеет считать. И те, кто жил здесь тысячи лет, научились читать этот счёт. Они выбивали на скалах не рисунки охоты, не богов, а ряды ямок — календари, карты, послания тем, кто придёт позже.

Одно из таких посланий лежит у реки Арысь, недалеко от древнего Отрара. Оно врезано в гранит так глубоко, что ветер не стёр его за тысячелетия. Два ряда по девять лунок, выемки по краям. И в центре — пустота.

Эта пустота не случайна. Она ждёт. Она всегда ждала. И однажды, когда воздух дрожал от жары, а суслики попрятались в норы, к этому камню подошёл мальчик. Ему было пятнадцать, он пас овец и считал звёзды, потому что больше нечего было считать. Он опустился на колени перед гранитом, провёл пальцем по лункам и понял, что они не пустые. Они заполнены тем, что старше камня: числами.

Он не знал, как их читать. Но он почувствовал ритм. Тот самый ритм, который гнал кровь по его жилам, ветер по степи, воду по Арыси, звёзды по небу. Он высыпал из кожаного мешочка овечий горох, засохший и твёрдый, и начал раскладывать его по лункам. Рука двигалась сама, потому что не разум вёл её, а память земли, которая была старше его рода.

Он положил девять шариков в первый ряд, девять — во второй. Потом пересчитал. Потом переложил. И вдруг, когда солнце перевалило зенит и тени исчезли, он увидел, что шары сложились в число, которого он не знал, но чувствовал: 162. Дни пути Солнца. Дни жизни человека от рождения до смерти, если считать по лунным циклам. Дни, которые есть у каждого, чтобы сделать свой ход.

Он поднял глаза к небу. Девять звёзд дрожали в мареве, но между ними он увидел десятую — незримую, возможную. И он понял, что доска, которую он держит в руках, неполна. Не хватает лунки. Той, что в центре. Той, что ждала.

Он не знал, как её назвать. Он назвал её *туздык* — лоушка. Или, может быть, свобода. Потому что только в пустоте можно выбрать.

Он встал, стряхнул грязь с колен и пошёл к своему стаду. Но с этого дня он уже не был просто пастухом. Он был тем, кто увидел игру. И игра увидела его.

Тысячу лет спустя его имя станет легендой. Две тысячи лет спустя учёные будут спорить, существовал ли он на самом деле. Четыре тысячи лет спустя искусственный разум будет пытаться повторить его ход, но остановится перед пустой лункой, потому что не сможет понять, что значит сделать выбор без причины.

Но сейчас, в этот миг, он просто сидит у реки, держит глиняную доску и смотрит, как жаворонок поднимается в бездонное синее небо. Птица делает девять кругов и замирает в

точке, где встречаются небо и земля.

Он считает эти круги. Один, два, три... девять.

— Я тоже считаю, — шепчет он. — Я тоже играю.

И ветер, пролетающий над степью, подхватывает его слова и разносит их по всей бескрайней равнине, от сусличьих нор до черепаших панцирей, от саксауловых рощ до солончаков бекпакдалы, до самых краёв горизонта, где земля уже не земля, а небо — уже не небо, а только игра, длящаяся вечность.

Игра начинается.

Игра никогда не кончается.

Это было задолго до Айдара.

И будет задолго после него.

Степь не помнит имён, она помнит ходы.

И каждый ход — это шаг к бесконечности.

Глава первая. Пастух, считающий звёзды

В степи нет лишних движений.

Каждая смерть здесь — это перестановка.

Каждая жизнь — это число в бесконечной сумме.

Ночь над Оттаром была холодной, как поверхность луны. Река Арысь, свернувшаяся в тысячелетней дремоте, отражала не Млечный Путь, а лишь его бледную копию, разбитую на мириады колеблющихся осколков. Айдар лежал на спине, положив затылок на тёплый бок старого барана, и смотрел вверх. Овцы спали; их сбитое дыхание казалось единым организмом, пульсом степи.

Айдар не считал овец. Это было занятие для глупцов. Овцы сами считали себя — не числами, а судьбами. Он считал звёзды. Но не для того, чтобы узнать их количество — это было так же бессмысленно, как пересчитывать песчинки в пустыне Моинкум. Он считал *промежутки* между ними.

Это была тайная болезнь его рода. Его дед, старый Калкаман, говорил, что в мире есть две бесконечности: верхняя — небесная твердь, и нижняя — время, которое течёт под землёй. Человек — лишь точка пересечения двух этих бездн. И если ты научишься измерять пустоту между звёздами, ты научишься управлять временем.

Этой ночью, как и сотню ночей до неё, Айдар смотрел на созвездие, которое древние называли *Козы* (Овен). Девять звёзд. Всегда девять. Он закрывал глаза, и на внутренней стороне век эти девять точек вспыхивали снова — неизменные, как число родов его племени, как девять сокровищ, которые его предки везли в седлах за тысячу лиг.

«Почему девять?» — прошептал он в ледяной воздух. Вопрос утонул в шелесте ковыля.

На рассвете, когда небо окрасилось в цвет полыни, он погнался к отару к древним холмам у излучины Арыси. Там, где ветер выдул песок из-под камней, обнажилась скала, испещрённая странными знаками. Он знал эти знаки с детства: не сцены охоты, не лики духов. Ряды углублений. Луны. Два параллельных ряда по девять ямок в каждом.

Раньше он думал, что это шрамы войны. Но сегодня, глядя на них, Айдар вдруг увидел другое. Его взгляд скользнул по ряду — и он понял, что расстояние между первой и последней ямкой совпадает с проекцией дуги, которую проделала Венера за прошлый месяц. Он не знал слова «эклиптика». Он знал только, что камни лгут, если их читать как историю, и говорят правду, если читать их как календарь.

Он высыпал из кожаного мешочка горсть овечьего гороха (засохшего, твёрдого, как сердолик) и начал раскладывать его по этим лункам. Сначала просто так, играя. Потом — подчиняясь ритму.

Он положил по одному шарiku в каждую из девяти лунок нижнего ряда. Потом взял второй шарик и положил в первую лунку второго ряда — туда, где, по его ощущению, должна была находиться земля. Потом в третью. И вдруг его пальцы замерли.

Схема повторилась.

Если считать ходы как дни, а шарикi как скот, который уходит в чужие пастбища и возвращается с приплодом, то каждый круг занимал ровно девять шагов. А девять кругов заполняли все лунки. А девять полных кругов... Он посчитал в уме: 81 шарик на одной стороне. Умножить на два. 162.

Ровно столько дней, сколько длится путь солнца от весеннего равноденствия до осеннего. Ровно полтора лунных года.

У него закружилась голова. Мир вокруг — степь, река, овцы — вдруг показался ему проекцией этих ямок. Он не изобретал. Он *вспоминал*. Скала знала это задолго до него.

К полудню у него уже была своя доска. Он вырыл в плотной глине у самого берега Арыси два ряда по девять лунок. Вместо фишек он скатал из овечьей шерсти, пропитанной жиром, девять десятков маленьких шариков — мягких, живых на ощупь. Это заняло много времени; ладони его покрылись мозолями, пальцы пахли ланолином и солью земли.

Когда он впервые разложил все 162 шара по лункам, ему показалось, что он держит в руках не доску, а карту космоса. Каждый шар вибрировал, как будто внутри него была за-

мкнутая душа. И тогда он вспомнил слова деда Калкамана: — *Кумалак* — это не камешек, внук. Это ягнёнок, который ещё не родился, но уже дышит. Ты не передвигаешь их. Ты перегоняешь стадо через небесные ворота.

Айдар посмотрел на два ряда лунок: верхний — небесный, нижний — земной. Между ними — тонкая грань, которую он, не зная зачем, обозначил двумя большими выемками на концах доски. Туда он решил собирать «урожай» — съеденные шары. Он назвал эти вместилища *казанами* — котлами. Потому что в котле варится пища, а здесь варится судьба.

Он начал играть сам с собой.

Это было похоже на то, как вода разливается по пересохшему руслу. Первый ход: он взял три шара из левой крайней лунки и «посеял» их по следующей, третьей, пятой — через одну. Так диктовала геометрия. На второй ход лунка опустела — и тогда он понял главный парадокс.

Чтобы получить, нужно отдать.

Если ты оставляешь шар в чужой лунке, ты теряешь его. Но если ты сеешь равномерно, когда число шаров в лунке становится чётным — два, четыре, шесть — вся лунка вдруг «переходит» под твой контроль. Она становится твоей территорией. И противник, если он существует, не может забрать их, пока не переиграет твою логику.

Он назвал это *туздык* — ловушка. И в тот момент, когда он придумал это правило, с ним случилось странное.

Время перестало течь линейно.

Он видел одновременно все свои будущие ходы: как через девять, восемнадцать, двадцать семь перестановок он приведёт стадо шариков к котлу. Он видел, как каждое «четное» число в лунке становится точкой бифуркации, как в чёрной дыре: масса сжимается, и из неё рождается новый порядок. Он чувствовал, что его доска — это не игра. Это **протокол**. Язык, на котором степь говорит с вечностью.

Вечером, когда солнце упало за развалины Отрара, к нему подошёл старый Калкаман. Дед не удивился, увидев глиняную доску. Он сел на корточки, долго молчал, вода иссохшим пальцем по краям лунок, считая шары.

— Ты заполнил их все, — сказал он хрипло. — 162. Это цена человеческой жизни, Айдар. Каждый шар — это день. Ты играешь днями.

— Я не знаю, что это, дед, — ответил юноша, и голос его дрогнул. — Я просто пытался понять, почему их девять. Почему не десять, не восемь.

Калкаман поднял глаза на небо, где уже зажглась первая звезда.

— Потому что Тенгри создал девять миров, — сказал он. — Девять слоёв неба. Девять родов, которые дали нам язык. Девять сокровищ, которые мы должны собрать, прежде чем умрём. Но ты, глупый пастух, пошёл дальше. Ты спросил: «А что *внутри?*» — и сделал эти миры движущимися.

Дед взял один шар, сжал его в кулаке. Когда разжал ладонь, шар исчез. Айдар вздрогнул.

— Где он?

— Он в лунке твоего духа, — усмехнулся Калкаман. — Ты создал медиум. Через эту доску души предков-аулие могут говорить с живыми. Каждый ход — это вопрос. Каждый захват — это ответ. Раньше шаманы гадали на бараньей лопатке. Теперь, — он кивнул на глину, — они будут гадать на твоих лунках. Ты сделал мир прозрачным.

Айдар почувствовал холод, идущий от доски. В темноте лунки казались чёрными звёздами, а шары — белыми дырами. Он понял, что не *изобрёл* игру. Он лишь открыл дверь, которая существовала всегда, между строк наскальных рисунков, между тактов лунного календаря, между вдохом и выдохом спящей отары.

— Дед, — прошептал он, — но ведь другие народы тоже знают такие игры. Я слышал от купцов про африканскую *оах*, про египетскую *гебе та*. Что мы нашли нового?

Старик посмотрел на него с состраданием.

— Там камни — это просто зёрна. У нас — души. В тех играх побеждает тот, кто больше накопил. В твоей игре победит тот, кто точнее **отдал**. Ты не склад сделал, Айдар. Ты сделал *реку*. В ней нельзя владеть водой, можно только направлять её. Это наше, степное.

Он встал, опираясь на посох, и ушёл в темноту, оставив внука одного перед глиняной доской.

Айдар долго сидел неподвижно. Потом, повинуясь внезапному импульсу, он положил руки на первую и последнюю лунки и мысленно соединил их линией. В его голове загорелась схема: 9 лунок — это не ряд. Это окружность. Зодиак. Колесо, в котором каждый шар находится ровно на той орбите, где его гравитация сильнее всего.

Он взял пустой шар из шерсти, скатанный из вычесанной шерсти старой овцы-вожака, и поднёс его к глазам.

«Ты — душа. Ты — ягнёнок, который ждёт рождения из моих рук».

И он сделал первый ход в игре, которой не было имени.

Только много позже, когда степь приняла эту доску в свои законы, люди назовут её *Тогыз кумалак* — «Девять шариков». Но в ту ночь, под звёздами Арыси, это была ещё не игра. Это было уравнение мира, которое один пастух записал в глине, потому что не умел читать, но умел считать пустоту.

Он не знал тогда, что ровно через три тысячи лет на другой планете, в другой цивилизации, учёные назовут эту игру «математически неразрешимой» и положат её в основу алгоритмов искусственного интеллекта. Он не знал, что его «туздык» станет прообразом логических ловушек в кибернетике. Он знал только одно:

Вселенная — это девять лунок, заполненных временем. И пока кто-то пересыпает время из пустоты в пустоту, жизнь не умирает.

Он разложил шары заново — и начал партию против са-

мого Тенгри.

Над степью вставала луна. В её круглом, безжалостном свете глиняная доска Айдара отбрасывала ровно девять теней — по одной от каждой лунки. И тени эти тянулись в бесконечность, туда, где археологи будущего найдут их следы и скажут: «Здесь начался интеллект».

Конец первой главы.

Глава вторая. Закон сохранения души

Степь не терпит пустоты.

Если ты забираешь что-то у мира, мир забирает что-то у тебя.

Вопрос лишь в том, успеешь ли ты пересчитать потери до того, как они станут непоправимыми.

Через семь дней после той ночи у Арыси Айдар уже не мог смотреть на овец без того, чтобы не видеть в их рядах лунки. Он вырезал из сухого карагача доску — гладкую, пахнущую древесной смолой, — и теперь носил её за спиной, как щит. Шариков стало ровно сто шестьдесят два. Он пересчитывал их каждое утро, перед тем как выгнать отару, и каждый вечер, перед сном. Это стало ритуалом, более священным, чем молитва Тенгри.

Но отара — не люди. Пастухи, его сверстники, сыновья воинов и ремесленников, смотрели на его доску с недоумением, смешанным с насмешкой.

— Ты что, Айдар, собрался воевать с муравьями? — хотел толстощёкий Ербол, пиная ногой сухой ком земли. — Расставил катышки, а сам сидишь и шевелишь губами. Думаешь, так стадо само размножится?

Айдар молчал. Он уже понял, что объяснять бесполезно.

Как можно рассказать слепому о цвете заката? Как можно вложить в голову Ербола мысль о том, что каждый шарик — это не катышек, а вероятность, застывшая в материи?

Он просто подвинул три шара из левой лунки в правую, и Ербол, глянув, потерял интерес. Зато старый баран-вожак, стоявший рядом, вдруг фыркнул и ткнулся мордой в доску, словно почувствовал запах отары, которую Айдар «перегонял» внутри дерева.

В тот вечер к нему пришёл гонец из соседнего рода — улуса Каратаев. Запылённый, с пересохшими губами, он спешил к костру и поклонился старейшине Калкаману:

— Отец наших отцов, Каратай-батыр шлёт тебе свою руку, но просит совета. Между его табунами и твоими отарами — спорная земля у высохшего русла Куандарьи. Семь дней мы не можем поделить воду. Каратай говорит, что река текла по его стороне, твои же люди клянутся, что русло сместилось после прошлогодней бури. Если не решить до новолуния, быть крови.

Калкаман долго молчал, поглаживая седую бороду. Айдар сидел в тени, прижимая к груди свою доску, и вдруг услышал, как внутри его головы защелкали костяшки счёта. *Девять лунок. Девять дней до новолуния. Девять родов, которые могут встать по разные стороны русла.*

— Внук, — сказал старик, не оборачиваясь, — ты слышал. Что скажет твоя доска?

Айдар вздрогнул. Дед никогда не спрашивал его совета.

Но сейчас голос старика звучал спокойно, как поверхность Арыси перед заморозками.

— Я не знаю, дед, — ответил юноша, — но если русло сместилось, то это не спор о земле. Это спор о потоке. В моей игре есть правило: ты не можешь взять из лунки больше, чем в ней есть. Но ты можешь изменить направление следующего посева. Если мы посадим в русло не гнев, а шаги, может быть, вода сама укажет путь.

Калкаман усмехнулся в усы.

— Ты предлагаешь решать спор батыров перекладыванием овечьего гороха?

— Нет. Я предлагаю решить его числом.

Наутро они ехали к руслу Куандарьи. Айдар не взял с собой ни копыя, ни лука — только свою карагачевую доску и кожаный мешок с шариками, перевязанный жилой так, чтобы ни один не потерялся. Всадники рода Калкамана смотрели на него косо: что этот пастух делает в совете старейшин? Но старик ехал впереди, и никто не смел перечить.

На месте их ждал Каратай-батыр — широкий, как скала, с лицом, изрезанным шрамами. Рядом с ним стояли его аксакалы, и в воздухе витал запах близкой резни. Оба отряда — человек по тридцать — застыли по разные стороны пересохшего русла.

Калкаман спешился первым.

— Каратай, мы пришли не с оружием. Мы пришли с во-

просом.

— Вопрос один: чья эта земля? — рявкнул батыр.

— Нет. Вопрос в том, как подсчитать её справедливость.

И тогда старик кивнул Айдару. Юноша вышел вперёд, расстелил на сухой глине свою доску, высыпал шарики и начал раскладывать их в два ряда по девять лунок. Каратай и его воины переглянулись. Кто-то засмеялся, но смех быстро угас, потому что Айдар не смотрел на них. Он смотрел на небо.

— Видите эти девять точек на востоке? — спросил он, указывая на чуть заметное созвездие, которое только-только проступило в утренней синеве. — Это *Козы*. Их девять. Как и ваших родов. Как и наших родов. Каждое утро они проходят над руслом ровно за время, пока я пересчитаю все сто шестьдесят два шарика.

Он начал двигать шары. Медленно, ритмично, не глядя на доску — глядя на небо. Каждый бросок соответствовал положению звезды за невидимой линией горизонта. Через девять ходов он остановился.

— Твой род, Каратай, владеет тремя колодцами выше по течению, — сказал Айдар, и голос его стал твёрже. — Мой род — двумя ниже. Всего пять. А русло разделяет нас, как лунку. Сейчас в ней пусто. Но если мы посчитаем, сколько воды принесут дожди через месяц...

Он сделал ещё один ход — и вдруг в средней лунке оказалось ровно четыре шара. Чётное число. Туздык.

— Вот, — прошептал Айдар. — Четыре. Это число не принадлежит никому. Оно принадлежит потоку. Если вы разделите русло на четыре равные части, две — вам, две — нам, вода не будет враждовать. Она будет течь по тому ложу, которое мы сами для неё выроем.

Каратай нахмурился. Он не понимал игры, но он понимал счёт. И он видел, что этот худой парень двигает шары не случайно — каждый шар ложился в ту ямку, которую ему указывала невидимая рука. К тому же аксакалы, стоящие за его спиной, уже начали шептаться: «Он считает звёзды... Он видит то, что скрыто...»

— Но почему четыре, а не пять? — спросил Каратай, всё ещё сомневаясь.

— Потому что пять — нечётное. Оно вызывает пустоту, — ответил Айдар, не поднимая глаз. — В моей игре чётное число становится *туздык* — ловушкой. Оно останавливает врага. А нечётное — это путь, по которому уходит душа. Разве ты хочешь, чтобы душа твоего скота ушла в пустоту?

Вокруг повисла тишина. Калкаман медленно подошёл к доске, взял один шар, сжал его — и вновь разжал ладонь. Шар исчез, как и в прошлый раз. Но теперь все видели это.

— Предки-аулие говорят через эту доску, — сказал старик громко. — Айдар создал не игру. Он создал весы для мира. Тот, кто умеет читать эти весы, знает, где остановиться, чтобы не упасть.

Они подписали мир на тех условиях, которые выпали на доске. Четыре части русла — две каждому роду. И когда через месяц действительно прошли дожди, вода заполнила ровно те лунки, которые Айдар обозначил «общими». Никто не пострадал.

Но сам Айдар в ту ночь не спал. Он сидел у костра, глядя на доску, и в его голове зарождалась мысль, холодная и страшная, как зимний ветер.

Он не решал спор. Он предсказал его решение, потому что доска была калькой реальности. Но если она калька, то значит, каждый ход в жизни уже записан где-то там, в девяти мирах Тенгри. И он, Айдар, всего лишь пересчитывает то, что давно сосчитано небом.

— Тогда зачем я? — прошептал он в пустоту.

И в ответ ему степь молчала. Но вдруг он увидел, что тени от лунок, падающие на землю при свете луны, образуют не девять линий, а десять. Десятая тень тянулась от его собственной руки, лежащей на доске.

Он понял: он не пересчитывает судьбу. Он пишет её своей рукой. Каждый раз, когда он кладёт шарик, он создаёт новую ветвь вселенной. И число этих ветвей бесконечно, потому что игра — это не уравнение, это алгоритм, который может развиваться бесконечно.

Он посмотрел в небо, где зажигались тысячи звёзд, и вдруг увидел в их расположении не хаос, а колоссальную игровую доску. Млечный Путь был полем, звёзды — шарика-

ми, а чёрные провалы между ними — лунками-туздык, в которые проваливается свет.

— Тенгри, — сказал он, обращаясь к бездне, — ты тоже играешь. Только твои шары — это галактики. И ты ждёшь, когда кто-то из нас догадается, что партия ещё не закончена.

Утром он вырезал на своей доске не девять, а десять лунок с каждой стороны. Но потом стёр десятую — потому что понял, что девять — это предел человеческого разума. Десять — удел богов.

С тех пор игра осталась с девятью лунками. Но в каждом ходе Айдар чувствовал дыхание десятой, невидимой, которая следила за ним из-за границы мира. Он знал: его доска — лишь приближение к той великой игре, которую ведут звёзды. Но приближение это было точным настолько, что через тысячелетия математики назовут его «NP-полной задачей» и уронят головы перед её сложностью.

А Айдар просто сидел у костра, перебирал шарики и ждал, когда небо сделает свой следующий ход.

В ту ночь шаман рода Каратаев, старый Токтар, подошёл к нему неслышно, как тень. Токтар был известен своим умением читать по бараньей лопатке, но сейчас он смотрел на доску Айдара с уважением, которого не оказывал никому.

— Ты превзошёл меня, мальчик, — сказал он хрипло. — Лопатка даёт один ответ. Твоя доска — тысячу. Но скажи мне: как ты узнал, что чётное число останавливает врага?

Айдар поднял глаза. В них отражался огонь.

— Я не узнал. Я вычислил. Если две силы равны, они гасят друг друга. Если одна больше — она толкает. В степи всё так: два барана бьются до тех пор, пока их рога не сломаются. Но если они встанут в ряд, чётное число, они пойдут вместе. Мир — это чётность. А война — нечётность. Я просто сдвинул нечётное в чётное.

Токтар молчал долго. Потом сказал:

— Ты создал медиум. Через него будут говорить духи. Но запомни, Айдар: даже у самой совершенной доски есть предел. Ты не сможешь вычислить всё, потому что в мире есть свобода. Одна лунка всегда будет пустой — той, куда ты не положил шар. Это лунка выбора. Если ты её заполнишь — игра кончится.

И старый шаман ушёл, оставив Айдара одного с доской, костром и бесконечной степью.

Айдар посмотрел на пустую лунку в самом центре второго ряда. Он никогда не ставил туда шары. Не потому, что не хотел, а потому что каждый раз, когда его рука тянулась к ней, внутри холодело. Там, в этой пустоте, жила тайна, которую нельзя было тронуть, не разрушив мироздание.

Он закрыл глаза и увидел, как через три тысячи лет археологи найдут в этих местах глиняные таблички с рядами ямок. Они будут спорить, что это — календарь или игра. И только он, Айдар, будет знать правду: это было и тем, и другим, и чем-то третьим, для чего у будущих людей ещё не придумали названия.

А за спиной, в темноте, неслышно переступали копытами его овцы. Каждая из них носила в своём животе будущий шар-кумалак, будущую душу, которая когда-нибудь ляжет в лунку и скажет: «Я здесь. Считай меня».

Конец второй главы.

Глава третья. Колесо миров

В каждом зерне — поле.

В каждой игре — вселенная.

Но чтобы увидеть вселенную, нужно выйти за пределы доски.

Прошло три луны с тех пор, как Айдар разрешил спор у русла Куандарьи. Молва о пастухе, считающем звёзды, расползлась по степи быстрее, чем пожар по сухому ковылю. К его юрте теперь приходили не только с просьбами о справедливом дележе пастбищ, но и с вопросами, от которых у старых шаманов седели бороды: «Когда начнётся джут?», «Куда ушли души наших воинов?», «Почему у моей жены родилась двойня, хотя я молился об одном сыне?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.